Markevich, Aleksei Ivanovich

Realizm russkoi literatury

891.709
M345R

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

РЕАЛИЗМЪ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ОЧЕРКЪ

Профессора А. И. Маркевича.

Отдѣльный оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ».

ВОРОНЕЖЪ.
Типографія В. И. Исаева.
1893.

РЕАЛИЗМЪ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ОЧЕРКЪ

Профессора А. И. Маркевича.

Отдѣльный оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ».

ВОРОНЕЖЪ.
Типографія В. И. Исаева
1893.

Дозволено Цензурой. Москва, 2 Сентября, 1892 г

891.709
M345R

РЕАЛИЗМЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Многолѣтнія, хотя и не совсѣмъ спеціальныя, занятія по исторіи русской литературы привели меня къ нѣкоторымъ заключеніямъ о ней, расходящимся съ общепринятыми; въ виду такой разницы я давно уже желалъ посвятить вопросу о русской литературѣ особую статью; но меня пугала неизбѣжная въ данномъ случаѣ ея поверхностность. Однако, не писать же въ доказательство своихъ взглядовъ цѣлаго учебника? Для этого у меня не хватало бы ни достаточныхъ знаній (особенно въ виду обильныхъ работъ по частнымъ вопросамъ исторіи русской литературы за послѣднее время), ни досуга; поэтому я рѣшаюсь, наконецъ, напечатать свою статью—въ предположеніи, что она можетъ быть интересною не столько по сообщеннымъ въ ней матерьяламъ, сколько по своей идеѣ.

Я далекъ отъ мысли, что своими наблюденіями могу совершить переворотъ въ изученіи исторіи русской литературы; наоборотъ, большинство высказываемыхъ ниже по частнымъ вопросамъ мнѣній и сдѣланныхъ указаній можно найти въ любомъ учебникѣ по этому предмету; но мнѣ представляется возможнымъ сдѣлать нѣсколько оригинальный ея синтезъ.

Положеніе, которое я желалъ бы въ этой статьѣ выяснить и доказать, состоитъ въ томъ, что, по моему мнѣнію, русская литература всегда стремилась быть реалистическою.

Раньше всего выясню кратко, что я считаю въ литературѣ реализмомъ. Нельзя понимать, конечно, реализмъ въ литературѣ, какъ изображеніе того, что бываетъ въ жизни, такъ какъ въ жизни, можно сказать, все случается; жизнь въ ея безконечномъ разнообразіи можетъ представить такія ситуаціи и создать такіе характеры, что ихъ не изобрѣла бы самая пылкая фантазія поэта [1]). Поэтому я понимаю реа-

[1]) Иногда реализмомъ считается просто смѣлость въ изображеніи нѣкоторыхъ сторонъ жизни; но это уже слишкомъ узко.

лизмъ въ литературѣ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ: это—изображеніе типически реальнаго, т. е. такого, что въ жизни, въ существенныхъ чертахъ, постоянно бываетъ, часто встрѣчается, имѣетъ много себѣ подобнаго. Конечно, такое опредѣленіе теоретически не точно, такъ какъ въ него введено трудно объяснимое (если даже и совсѣмъ необъяснимое) понятіе о существенныхъ чертахъ, т. е. то, какія черты жизни признавать существенными, какія несущественными; но практически понятіе о существенныхъ чертахъ довольно общепринято, и потому считаю себя въ правѣ имъ пользоваться. Итакъ, по моему мнѣнію, русская литература всегда стремилась, какъ изобразить, такъ и выразить то, что въ русской жизни было типически реальнымъ, т. е. въ существенныхъ чертахъ постоянно бывало, имѣло много себѣ подобнаго.

Что реализмъ имѣлъ въ русской литературѣ важное значеніе—это общепризнано. Народная русская словесность всегда считалась реалистическою. Черты реализма отыскивались нашими знатоками искусственной русской словесности въ ея памятникахъ на всемъ ея протяженіи отъ XI до XIX вѣка. Подчеркивается реализмъ Державина, или Фонъ-Визина, а тѣмъ болѣе Крылова, Грибоѣдова, или Пушкина, во время господства въ нашей литературѣ отнюдь не реалистическихъ эстетическихъ теорій. Гоголевскій періодъ русской литературы—полное господство въ ней реализма, продолжающееся въ главныхъ ея представителяхъ и по настоящее время.

Все это факты совершенно точно установленные, и я ими ниже не премину воспользоваться; но, какъ мнѣ кажется, никто однако систематически еще не прослѣдилъ проявленія реализма въ русской литературѣ на всемъ ея теченіи, не указалъ значенія его въ томъ или другомъ ея періодѣ, не объяснилъ ея колебаній относительно реализма; а въ этомъ отношеніи могутъ быть сдѣланы хотя и простыя, но очень любопытныя наблюденія.

Поставленная мною себѣ задача: выяснить реалистическій характеръ русской литературы—требуетъ отъ меня хотя и краткаго, но все же общаго ея очерка, предъ чѣмъ

я не остановлюсь, хотя и понимаю всю трудность и, главное, условность этой работы. Весьма вѣроятно, что въ изложеніи ея у меня встрѣтятся ошибки (особенно въ виду какихъ либо новѣйшихъ спеціальныхъ трудовъ) и невѣрныя сужденія; можетъ быть правильнѣе или удобнѣе было бы приводимые здѣсь факты замѣнить какими либо другими. Всякому указанію, всякой поправкѣ я буду очень радъ. Я стою лишь за общую мысль своего изложенія исторіи русской литературы.

Русскій народъ, какъ и всякій иной, до знакомства съ письменностью имѣлъ свою (оригинальную, или заимствованную, но приспособленную—это безразлично) устную народную литературу. Что эта литература была совершенно реалистична—это общепризнано, и потому на этомъ вопросѣ не считаю нужнымъ останавливаться. Проще сказать, въ наукѣ считается доказаннымъ, что устная народная литература всѣхъ народовъ во всякое время вполнѣ реалистична.

Сношенія русскаго народа съ болѣе цивилизованными повели къ заимствованію имъ письменности, которая въ началѣ, конечно, служила удовлетворенію реальныхъ потребностей начавшагося слагаться русскаго общества, а затѣмъ, вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, стала орудіемъ и для изображенія міра идеальнаго. Христіанство приняли мы изъ Византіи, которой литературныя произведенія непосредственно, или при посредствѣ совершенно сходныхъ съ ними южно славянскихъ литературныхъ произведеній, послужили образцомъ и для произведеній древне-русской литературы.

Все это, конечно, общеизвѣстно; но, знакомясь съ сохранившимися памятниками древне русской литературы, встрѣчаемъ нѣсколько трудно объяснимыхъ странностей: во первыхъ, мы не имѣемъ ни одного памятника древне русской письменности раньше половины XI в., а литературы—раньше конца XI в. Этотъ фактъ еще кое какъ можетъ быть объясненъ ихъ утратою: письменные матерьялы были дороги, памятниковъ не могло быть много, и они утратились въ послѣдующихъ невзгодахъ; хотя и здѣсь возможно бы воз-

раженіе, что памятниковъ письменности въ виду религіозныхъ потребностей общества было и не мало, какъ бы они ни были дороги. Но еще труднѣе объяснить слѣдующее обстоятельство:

Признавая несомнѣннымъ зависимость нашей древней литературы отъ византійской, однако, не можемъ найти въ послѣдней (все равно, какъ и въ южно-славянскихъ ея копіяхъ) подходящихъ образцовъ для важнѣйшихъ нашихъ произведеній. Развѣ есть что либо схожее въ византійской литературѣ съ нашимъ Словомъ о полку Игоревѣ, съ нашими лѣтописями (до XIII вѣка), съ поученіемъ Владиміра Мономаха, съ путешествіями Даніила Паломника и Архіеп. Антонія? Развѣ нашъ Патерикъ Печерскій совершенно скопированъ съ византійскихъ патериковъ? Развѣ не оригинально по строю Моленіе Даніила Заточника, хотя бы и скомпонированное изъ византійскаго матеріала? [2]). Лишь о нашихъ проповѣдяхъ, посланіяхъ и наставленіяхъ, авторами которыхъ безусловно были духовныя лица, пожалуй, можно сказать, что это—копіи съ византійскихъ. Вѣрнѣе—я не настолько знакомъ съ византійскимъ проповѣдничествомъ, чтобы возражать противъ установившагося въ такомъ смыслѣ мнѣнія.

Все сказанное здѣсь отнюдь не ново. Чтобы объяснить эту странность, ученые частью продолжаютъ искать византійскіе и славянскіе образцы, и иногда съ успѣхомъ; такъ напр. Акад. Сухомлиновъ нашелъ образцы проповѣдей Кирилла Туровскаго, изъ которыхъ нѣкогда обильно черпался матерьялъ для знакомства съ русскою жизнью. Другія находки не столь радикальны, но все же г. Вадковскій заподозрилъ не туземное происхожденіе такого, казавшагося оригинальнымъ, памятника, какъ Слово Св. Ѳеодосія о тропаряхъ; пр. Яковлевъ указалъ зависимость отъ византійскихъ житій житія Св. Ѳеодосія Печерскаго, которому придавали значеніе вполнѣ историческаго источника; проф. Павловъ источникомъ вопросовъ Кирика считалъ каноны Іоанна

---

[2]) Этотъ вопросъ нуждался бы однако и въ болѣе детальномъ изслѣдованіи.

Постника и т. д. Но чаще такіе поиски успѣхомъ не сопровождались; припомнимъ напр. находку акад. Васильевскимъ Совѣтовъ византійскаго боярина, которыми легче объяснить происхожденіе сочиненія Макіавелли „Государь“, чѣмъ Поученіе Владиміра Мономаха, какъ это сперва предполагалось; припомнимъ и тѣ пытки, которымъ постоянно подвергается Слово о полку Игоревѣ съ цѣлью указанія его образцовъ — и тоже безрезультатно и т. п.

Наконецъ, принимаютъ, что образцы всѣхъ исчисленныхъ выше видовъ древнерусскихъ произведеній въ Византіи были, но утратились, что и само по себѣ странно, а тѣмъ болѣе въ виду того, что византійскихъ лѣтописей, поученій, житій святыхъ, даже поэтическихъ произведеній сохранилось вообще довольно много.

Оригинальность нашихъ лѣтописей, житій, Слова о полку Игоревѣ и пр. главнымъ образомъ заключается въ проникновеніи ихъ народностью, причемъ народная стихія принимаетъ иногда удивительный характеръ. Кажется, будто Слово о полку Игоревѣ писано язычникомъ, равно и нѣкоторыя мѣста древней лѣтописи; взгляды Мономаха, въ которыхъ отражается народное міровоззрѣніе, далеко не вездѣ поэтому совпадаютъ съ христіанскими идеалами его времени; иныя мѣста въ житіяхъ Печерскихъ святыхъ были бы непропущены теперешнею, не только духовною, но даже свѣтскою цензурою и т. д. Объясняютъ все это недостаточнымъ въ христіанскомъ смыслѣ развитіемъ древнерусскаго общества, слабымъ усвоеніемъ имъ византійско-христіанскихъ идеаловъ, вслѣдствіе чего въ древнерусскомъ человѣкѣ еще сохранились народныя идеальныя представленія. Но въ комъ же видимъ это недостаточное будто бы усвоеніе христіанскаго идеала? Въ авторѣ Слова о полку Игоревѣ, который поражаетъ шириною своихъ политическихъ взглядовъ; въ авторѣ, или компиляторѣ древнерусской лѣтописи, которой подобной нѣтъ ни у одного народа; во Владимірѣ Мономахѣ — замѣчательномъ государственномъ человѣкѣ; въ Пр. Несторѣ и пр. Да, вѣдь, если бы это было вѣрно, такъ и христіанство тогда еще не было бы принято русскимъ народомъ, который по своему умственному, нравственному, или

эстетическому развитію не могъ же стоять на одномъ уровнѣ съ Пр. Нестеромъ, или съ Владиміромъ Мономахомъ.

Еще одинъ вопросъ. Почему наиболѣе жизненные памятники древнерусской литературы относятся не къ XI вѣку, а къ XII, да еще и къ концу его (Слово о полку Игоревѣ), а иные даже къ началу XIII в. (Волынская лѣтопись, Путешествіе Арх. Антонія, Моленіе Даніила Заточника). Вѣдь, если бы вѣрна была теорія о недостаточномъ еще усвоеніи христіанскихъ идеаловъ, то наиболѣе народныя произведенія древне русской литературы имѣли бы мѣсто въ X XI в; затѣмъ въ XII в. они могли бы уже и оскудѣть. Между тѣмъ самыя раннія произведенія нашей древней литературы, въ родѣ Слова митр. Иларіона о законѣ и благодати, или посланій нашихъ митрополитовъ къ латинамъ, никакой народной стихіи не заключаютъ.

Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что жизненность нашей древней литературы, выгодно отличающая ее отъ современной ей зап.-европейской (и византійской, прибавимъ), была слѣдствіемъ появленія въ ней національной стихіи, я представляю себѣ вопросъ о времени этого появленія и объ отношеніи ея къ византійскимъ литературнымъ образцамъ у насъ нѣсколько иначе:

Принятіе христіанства безъ сомнѣнія радикально (хотя и не безъ постепенности) измѣнило религіозныя, нравственныя и эстетическія воззрѣнія древнерусскаго народа; сказалось византійское вліяніе и въ юридическихъ представленіяхъ нашего культурнаго класса; повліяло оно и на русскій языкъ, благодаря распространенію священнаго писанія; наконецъ, оно повліяло и на народную литературу, какъ проникновеніемъ въ памятники народной поэзіи многихъ чертъ изъ библейской и византійской литературы, такъ и привнесеніемъ сюжетовъ, имѣвшихъ библейское, или византійское, словомъ, книжное происхожденіе, которые съ теченіемъ времени, обращаясь въ народѣ, приняли свойства произведеній народной поэзіи, вслѣдствіе чего и образовалась у насъ уже довольно скоро по принятіи христіанства особая обширная полународная—полукнижная литература. Все это для меня теперь значенія не имѣетъ, и я перехо

жу къ вопросу о византійскомъ вліяніи на нашу книжную словесность.

Первые наши литературные памятники были строго подражательными византійскимъ (или южно-славянскимъ, что все равно), и потому мало понятными и мало интересными для русскаго общества, что и было причиною ихъ позднѣйшаго исчезновенія; малая понятность и отвлеченность ихъ препятствовала сохраненію ихъ въ значительномъ количествѣ списковъ. Возьмемъ къ примѣру хотя бы указанное выше Слово митр. Иларіона. Предлагаю богословамъ и знатокамъ русскаго языка съ точностью переложить это слово на современный русскій языкъ; не окажется ли оно далеко не удобопонятнымъ? Какимъ образомъ могло быть понятно оно для людей XI вѣка? Тоже самое можно сказать и относительно всѣхъ тѣхъ памятниковъ, или всѣхъ тѣхъ мѣстъ въ этихъ памятникахъ, въ которыхъ видно византійское вліяніе; синтаксисъ въ нихъ можетъ привести читателя въ отчаянье [3]).

Но тутъ то и сказалось основное свойство русской ли-

---

[3]) По этому поводу необходимо сдѣлать небольшую оговорку. Составленныя по византійскимъ образцамъ наши произведенія религіозно-моральнаго характера, равно какъ и столь же мало понятныя народу переведенныя богослужебныя книги оказывали на него не малое вліяніе; слушать ихъ приходили въ церковь многіе. Именно митр. Иларіонъ съ радостью говоритъ о томъ, что народъ тѣснится слушать проповѣди и чтеніе священныхъ книгъ; и практическіе результаты отъ этого получались самые благотворные. Какъ понять это?

Объясняю себѣ это слѣдующимъ образомъ: Русскій человѣкъ шелъ въ храмъ, напримѣръ, въ праздникъ, освободившись отъ злобы дня, въ особомъ, уже праздничномъ настроеніи (на что могла вліять и самая внѣшность человѣка). Эстетическія впечатлѣнія, столь обильно получаемыя имъ во храмѣ, умиляли его еще болѣе. Слушая чтеніе какой либо книги, или проповѣди, онъ не понималъ смысла читаемаго, но хорошо понималъ доносившіяся до его слуха хорошія слова, или выраженія о Богѣ, о милосердіи, добродѣтели; они возбуждали въ немъ цѣлую вереницу хорошихъ чувствъ, которыхъ они, значитъ, такъ или иначе были

тературы—ея стремленіе къ реализму. Наши писатели не могли устоять на высотѣ византизма, и вотъ, по мѣрѣ того какъ письменность распространяется, приближается къ удовлетворенію текущихъ потребностей народа, такъ сказать, приспособляется къ жизни (что, конечно, всегда и вездѣ бываетъ съ подражательною литературою), въ русской литературѣ начинаетъ отражаться типически-реальная жизнь своего времени съ ея идеалами, далеко не похожими на византійскіе и еще въ достаточной степени народными, и такое направленіе въ литературѣ дѣлается все сильнѣе и сильнѣе, почему и создаются въ XII—XIII в. памятники, не имѣющіе себѣ образцовъ ни въ византійской, ни въ южнославянской литературѣ, но въ которыхъ не трудно отыскать сходство съ памятниками русской народной словесности.

Сразу можетъ показаться, что этотъ взглядъ на народный характеръ древнерусской литературы ничѣмъ не отличается отъ установившагося; между тѣмъ здѣсь есть большáя разница. По общепринятому взгляду народность въ памятникахъ XII—XIII в. есть к о н е ц ъ господства народной словесности въ русскомъ культурномъ классѣ, не достаточно еще вытравленной византійскимъ вліяніемъ; по наше-

---

источникомъ и безъ которыхъ эти чувства, хотя уже и существовавшія въ душѣ слушателя, въ данномъ случаѣ, можетъ быть, и не проявились бы. Слушатель былъ убѣжденъ, что онъ какъ слѣдуетъ понялъ проповѣдь или наставленіе, и могъ практически осуществить это добрымъ дѣломъ, а, такъ какъ испытывать добрыя чувства и дѣлать добрыя дѣла очень привлекательно, то его и впредь влекло въ церковь. Проповѣдникъ въ свою очередь могъ быть доволенъ результатомъ своей проповѣди,—и дѣло устраивалось ко взаимному удовольствію. Для аналогіи приведемъ примѣръ что и нынѣ люди религіозные, но не знатоки церковно-славянскаго языка, зачастую съ особымъ выраженіемъ повторяютъ такія слова Свящ. Писанія (напримѣръ: Аминь, аминь, глаголю вамъ), которыя сами по себѣ вовсе не имѣютъ важнаго значенія,—умиляются, вздыхаютъ, сокрушаются сердцемъ и т. д., будто въ этихъ словахъ есть глубоко-поучительный смыслъ. Но эти слова возбуждаютъ въ нихъ извѣстную ассоціацію идей, путемъ которой и возникаетъ въ нихъ истинно христіанское чувство.

му же мнѣнію, это начало новаго литературнаго направленія, въ свое время съ успѣхомъ боровшагося съ византизмомъ и не развившагося вслѣдствіе причинъ, о которыхъ я сейчасъ скажу. Потому-то, напримѣръ, сохранившіяся въ литературныхъ памятникахъ народныя преданія такъ далеко и отстоятъ отъ исторической дѣйствительности, что ихъ стали записывать не тогда, когда они еще были близки къ событіямъ, которымъ они обязаны своимъ происхожденіемъ, а гораздо позднѣе; потому и затерялись пѣсни Бояна и другихъ подобныхъ ему пѣвцовъ, что о нихъ вспомнили уже тогда, когда онѣ совершенно изгладились изъ памяти общества.

Жизненность новаго направленія сказалась еще въ одномъ фактѣ—возникновеніи въ XII—XIII в. областныхъ литературъ, и областныхъ не только по мѣсту появленія литературныхъ произведеній и привнесенію въ литературный языкъ ихъ провинціализмовъ, но по интересамъ, даже по идеаламъ. Прославляются преимущественно мѣстные святые, лѣтописи не только разсказываютъ объ областныхъ событіяхъ и стоятъ за мѣстные интересы, онѣ даютъ мѣстные образы: для насъ ясны идеальный новгородецъ, идеальный суздалецъ, идеальный галичанинъ, идеальный полочанинъ. Даже какая-нибудь маленькая заброшенная Тмутаракань является своего рода литературнымъ центромъ. При этомъ жители областей не забываютъ, что они русскіе и имѣютъ обще-русскіе интересы, какъ это замѣчательно хорошо видно въ Словѣ о полку Игоревѣ, авторъ котораго умѣлъ быть вполнѣ русскимъ патріотомъ, чувствуя себя въ тоже время и дѣятелемъ Сѣверской земли. Словомъ, развитіе русской литературы происходило совершенно нормальнымъ и яснымъ для насъ путемъ.

Такому нормальному ея теченію положенъ былъ предѣлъ монгольскимъ игомъ. О значеніи этого событія можно было бы написать слишкомъ много; можно спорить о томъ, были ли для насъ вредны собственно вліяніе монголовъ и татаръ или же обусловленныя имъ явленія въ самой жизни русскаго народа; но для меня достаточно признанія самого факта этого вреда. Неоспоримо, что время монгольскаго ига,

т. е. XIII—XV в., это именно то время, когда мы обособились отъ Зап. Европы, почему, не участвуя въ эпохѣ открытій и изобрѣтеній, и отстали въ нашемъ умственномъ и эстетическомъ развитіи отъ Зап Европы, сношенія съ которою были обильны и тѣсны въ XII—XIII в., причемъ почти не чувствовалась религіозная разница.

Мало того—литература, служащая чуткимъ барометромъ общественнаго развитія, показываетъ намъ пониженіе его въ XIV—XV вѣкахъ сравнительно съ предшествующими. Количественно литература растетъ; число памятниковъ въ ней увеличивается, самые памятники становятся обширнѣе, но они лишены жизненности; подъ вліяніемъ дѣйствующихъ историческихъ условій изъ литературы исчезаетъ народный элементъ, столь усердно боровшійся съ византійскимъ вліяніемъ, которое въ это время господствуетъ безраздѣльно.

Разумѣется, я говорю о книжной литературѣ Сѣверо-Восточной Руси. Именно въ XIII в. и позже условія исторической жизни народа и разница въ получаемыхъ относительно умственной жизни впечатлѣніяхъ достаточно раздѣлили образованные классы Юго-Западной Руси отъ таковыхъ въ сѣверо-восточной въ культурномъ отношеніи. Сѣверо-Восточной Руси выпало на долю великое дѣло освобожденія народа отъ ига и объединенія съ этою цѣлью удѣловъ; но извѣстно, какою цѣною было это куплено. Централизація стремилась прикрѣпить всѣ удѣлы къ основному ядру путемъ уничтоженія всякой областной жизни; главнымъ собирателемъ явилось племя сравнительно мало развитое; даже культурный классъ его въ свое время (въ XII—XIII в.) не могъ по своему развитію равняться культурному классу Кіевской Руси, а къ новому шаблону приходилось всѣмъ добровольно или невольно приспособляться. Экономическое разореніе довершило остальное.

При чтеніи памятниковъ книжной словесности Сѣв. Восточной Руси чувствуется ея однообразіе, отсутствіе въ ней жизненныхъ интересовъ, за исключеніемъ одного служенія дѣлу централизаціи, утомительная книжность и полное отсутствіе народности. Возьмемъ напр. тѣ памятники, которые созданы были по поводу Куликовской битвы, и сопоставимъ

съ Словомъ о полку Игоревѣ. О сравнительномъ значеніи изображенныхъ событій не можетъ быть и рѣчи: ничтожный и притомъ неудачный походъ на половцевъ (одинъ Мономахъ сколько совершилъ удачныхъ на нихъ походовъ!)— и крупная побѣда освободительнаго характера. А какъ отозвались эти событія на фантазіи поэта? Мало того, даже народъ помнитъ не Димитрія Донскаго, а Мамая; помнитъ зло, причиненное народу Мамаемъ (повидимому, сдѣлавъ его имя нарицательнымъ для всѣхъ татарскихъ вождей), и забылъ о вождѣ, освободившемъ его отъ этого самаго Мамая. Точно такіе же невыгодные для Московской Руси результаты получатся и тогда, если мы будемъ сравнивать ея лѣтописи, житія святыхъ и пр. съ подобными же памятниками XII—XIII в.

Намъ укажутъ, можетъ быть, въ книжной литературѣ XIV—XV в. нѣсколько исключеній? Назовемъ ихъ: Проповѣди еп. Серапіона; но онъ былъ человѣкъ до-монгольской эпохи, и только епископствовать ему пришлось въ половинѣ XIII в.; этотъ примѣръ можетъ лишь подтвердить мое мнѣніе о литературѣ XII—XIII в. А затѣмъ? Реальное по содержанію, но именно своею простотою идущее въ разрѣзъ со всею остальною литературою посланіе Св. Кирилла Бѣлозерскаго къ кн. Можайскому; тоже интересное по своей простотѣ хожденіе за три моря Аѳанасія Никитина. Вотъ и все! Но развѣ это памятники типическіе для литературы XIII—XV в.? Такіе могли писаться всегда и вездѣ.

Какъ здѣсь, такъ и нигдѣ далѣе я не буду касаться ни устной народной словесности, ни той полународной—полукнижной литературы, которая образовалась путемъ смѣшенія народной словесности съ книжными сюжетами. Эти двѣ литературы измѣняются лишь по содержанію и ввести ихъ въ исторію русской литературы бываетъ въ большинствѣ случаевъ прямо невозможно. Беремъ къ примѣру даже такой книжный, но проникнутый народностью и потому превосходный памятникъ, какъ Повѣсть о Горѣ Злочастіи. Оно могло сложиться въ какой угодно мѣстности, гдѣ жилъ русскій народъ, и въ какое угодно время (конечно, послѣ при-

пятія христіанства), и затѣмъ видоизмѣняться въ частностяхъ соотвѣтственно измѣненію народнаго быта.

Литература XIII—XV в. Сѣв.-Вост. Руси однако не была единственною книжною русскою литературою; оставались еще цѣлыя области, стоявшія внѣ зависимости отъ нея. Знакомство съ литературными памятниками этихъ областей (Новгорода, Пскова) показываетъ, что здѣсь до самаго паденія ихъ политической независимости существовала областная литература такого же точно характера, какъ и въ предшествующій періодъ; почему и возможно было появленіе такихъ сравнительно поэтическихъ произведеній, какъ трогательныя повѣсти о гибели Новгорода и Пскова, впрочемъ, написанныя (особенно послѣдняя) уже не безъ реторичности.

Иная была участь литературы Юго-западной Руси; но я предпочитаю сказать о ней ниже, чтобы сильно не разрывать своего изложенія исторіи литературы Сѣв.-Восточн. Руси.

Московская литература XVI вѣка пользуется нѣсколько большею популярностью, чѣмъ литература XIII—XV в.; здѣсь есть важные памятники, какъ Стоглавъ, Домострой, Переписка Царя Ивана Васильевича съ княземъ Курбскимъ, Исторія, написанная кн. Курбскимъ, и др. Но въ сущности они болѣе важны для исторіи вообще, чѣмъ для исторіи литературы, за исключеніемъ развѣ одного Домостроя. Что же касается послѣдняго, да и другихъ, дѣйствительно литературныхъ памятниковъ (проповѣдей и пр.), то они по характеру вполнѣ сходны съ памятниками предшествующаго времени, принадлежатъ къ тому-же самому литературному направленію, съ тѣмъ же преобладаніемъ византизма. Царь Иванъ, какъ писатель, можетъ служить хоть и очень талантливымъ, но совершенно типическимъ представителемъ литературы Сѣв.-Вост. Руси.

Для XVI в. новинкою (если это можно назвать новинкою) является развѣ собирательный характеръ литературы въ соотвѣтствіе тому, что совершилось въ самой жизни (собираніе удѣловъ, писцовыя книги, судебникъ, стоглавъ, общая канонизація святыхъ и пр.) Лишь въ Московскомъ

царствѣ, а не въ удѣлѣ возможны были такія колоссальныя предпріятія, какъ составленіе Макарьевскихъ Четій-Миней. Проповѣдники пишутъ свои проповѣди сотнями (Митр. Даніилъ), охватываютъ ими цѣлый предметъ (Іосифъ Волоцкій, Зиновій Отенскій), или цѣлую область идей (Максимъ Грекъ); Домострой пытается дать полную энциклопедію жизни; тотъ же собирательный характеръ видимъ и въ историческихъ сочиненіяхъ XVI в., въ родѣ Степенной книги и т. д.

Другая новинка—проникновеніе въ жизнь московскаго общества зап. европейскаго вліянія, сдѣлавшееся возможнымъ вслѣдствіе измѣненія нашихъ политическихъ отношеній къ магометанскому Востоку и очень замѣтное по источникамъ во время царя Ивана Грознаго, мало сказалась въ нашей литературѣ, окрасивъ развѣ дѣятельность одного крупнаго писателя—кн. Курбскаго, да и тотъ остается по идеаламъ человѣкомъ московскаго направленія.

Печальныя событія смутнаго времени сопровождались, или даже были обусловлены тѣмъ значеніемъ, которое пріобрѣли у насъ западно-европейскія идеи, въ оппозицію чему русская жизнь въ первое время царей Романовыхъ и приняла ультра-національный характеръ. Гоненіе постигало самыя мелкія проявленія европеизма; словно было опасеніе, что, начавши съ мелочей, дойдутъ и до важнѣйшихъ сторонъ жизни. Русскіе бояре хвалились незнаніемъ иностранныхъ языковъ и проч. Кажется, будто наши руководящіе дѣятели желали, чтобы насъ отъ Зап. Европы, и въ томъ числѣ отъ Польши, отдѣляли непреоборимыя препятствія. Литература этого времени напоминаетъ уже не литературу XVI в (въ ней многое могло бъ въ XVII в. казаться еретическимъ), а гораздо болѣе раннюю; и лишь очень умный, съ примѣсью нѣкотораго европеизма, Катошихинъ пишетъ сочиненіе, достойное, пожалуй, XVI в., но и то обнаруживая менѣе самостоятельное, чѣмъ кн. Курбскій, умственное развитіе.

Но никакихъ непреоборимыхъ препятствій между Москвою и Зап. Европой не было, и зап.-европ. вліяніе въ XVII в. просачивалось разными тонкими каналами, вліяя

даже и на нашу народную словесность. Мало того, разныя, неудовлетворяемыя домашними средствами а особенно военныя потребности заставляли русское правительство приглашать въ Московское государство иностранцевъ и, какъ оно ни стремилось ихъ въ такомъ случаѣ изолировать, вліяніе ихъ не могло не сказываться и на русскомъ обществѣ.

Но такіе полуслучайные источники зап.-европейскаго вліянія не могли дать значительныхъ результатовъ; поэтому дѣло усвоенія нами началъ зап.-европейской цивилизаціи могло надолго затянуться, если бы оно не было ускорено сближеніемъ съ Юго-западною Русью.

Какъ разъ въ это время Юго-западная Русь, вслѣдствіе различныхъ причинъ, и особенно изъ-за религіозныхъ притѣсненій, подымалась противъ Рѣчи Посполитой и обращалась за покровительствомъ и помощью къ единокровному и единовѣрному московскому народу. Если не сознаніе національнаго единства (существовавшее однако въ XV—XVI в.), то во всякомъ случаѣ общая религія исключала возможность, индифферентнаго отношенія Москвы къ Южной Руси. Оказана была помощь сперва пассивная, а потомъ, когда сложились для насъ благопріятно политическія условія,—и активная, окончившаяся возсоединеніемъ Москвы и части Юго-западной Руси.

Какъ увидимъ ниже, многіе представители Юго-западной Руси, съ которыми москвичамъ приходилось имѣть дѣло и въ Москвѣ, и на мѣстѣ, были по образованію зап.-европейцами, т. е людьми, отъ вліянія которыхъ въ Москвѣ открещивались; но какъ было отстраниться отъ сближенія съ людьми одной и той же религіи и притомъ засвидѣтельствовавшими свою вѣрность этой религіи столь осязательнымъ способомъ? Интересы религіи побѣдили всѣ другіе, сближеніе Москвы съ Юго-западной Русью произошло и зап.-европейское вліяніе, проникавшее въ Москву изъ прямыхъ источниковъ, но тонкими струями, теперь хлынуло хоть и обходнымъ путемъ (черезъ Польшу и Ю. З. Русь), но широкою волною, увлекая за собою большую часть московскаго культурнаго класса.

Какъ извѣстно, торжество новыхъ идей произошло не

безъ борьбы, о которой мы подробнѣе говоримъ въ примѣчаніи, не желая длиннымъ, хотя и важнымъ эпизодомъ разрывать естественный ходъ изложенія [4]). Здѣсь же намъ достаточно замѣтить, что недовольные торжествомъ зап.-европейскаго вліянія замкнулись въ старомъ направленіи, создавъ руководящій элементъ въ расколѣ.

---

[4]) Во многихъ сочиненіяхъ по исторіи XVII в. дѣло изображается такимъ образомъ, будто въ Москвѣ въ XVII в. существовало двѣ партіи — юго-зап. русская и старо московская, литературная, борьба которыхъ и наполняетъ собою вторую половину XVII в.; притомъ главнымъ моментомъ этой борьбы иногда считаютъ полемику изъ-за времени пресуществленія Св. Даровъ. Въ дѣйствительности дѣло было гораздо сложнѣе: было много нюансовъ. Напр. Патр. Никонъ (не говоримъ о Патр. Филаретѣ, такъ какъ эта личность загадочная) былъ покровитель южно-руссовъ, и въ то же время преслѣдовалъ проявленіе въ Москвѣ какихъ либо зап.-европ. культурныхъ мелочей: бояринъ Ртищевъ, тоже другъ южно-руссовъ, былъ, судя по его житію, вполнѣ московскій человѣкъ, и онъ же былъ виновникомъ финансовой политики, въ которой мы подражали зап. европейцамъ, и т д. Опуская разныя мелочи, можно сказать, что вопросъ о зап.-европ. вліяніи въ Москвѣ прошелъ слѣдующія стадіи: 1) сперва простое покровительство южно-руссамъ и предоставленіе имъ въ Москвѣ возможности заниматься педагогическимъ и литературнымъ дѣломъ. Въ это время враговъ у южно-руссовъ почти не было; говорю: почти, такъ какъ все же были люти, съ самаго начала сношеній видѣвшіе въ южно-руссахъ иновѣрцевъ и роптавшіе на правительство за покровительство имъ. 2) Пріобрѣтеніе южно-руссами, въ силу своего образованія, господства въ духовныхъ сферахъ Московскаго государства Это самый важный моментъ, во время котораго и возникла борьба двухъ партій: новой — южно-русской и старой — московской, окончившаяся побѣдою первой въ правительственномъ классѣ. Но борьба эта развернулась не по поводу хлѣбопоклонной ереси, а по поводу исправленія богослужебныхъ книгъ, на почвѣ церковной обрядности. Маловажныя въ сущности детали (легко устранимыя по теоріи существованіемъ, такъ наз., единовѣрческой церкви) стали поводомъ для старомосквичей уйти въ расколъ, — изъ-за нежеланія признать господство новыхъ идей въ жизни (старо-москвичи отвергали даже авторитетъ грековъ, которымъ въ религіозныхъ дѣлахъ прикрывались южноруссы, и го-

Литература раскола, безъ сомнѣнія, есть часть русской литературы, ибо раскольники сознаютъ себя вполнѣ русскими людьми; но изучена она съ чисто литературной стороны не особенно хорошо, а въ учебникахъ словесности ей обыкновенно совсѣмъ не отводилось мѣста. Между тѣмъ изученіе

ворили, что у грековъ православіе оскудѣло, почему Богъ и предалъ ихъ въ жертву иноплеменникамъ). Правительственными гоненіями расколъ былъ разбросанъ изъ центра къ окраинамъ государства, и затѣмъ въ самомъ положеніи государства нашлись причины для той, совершенно неожиданной и важной роли, которая выпала на долю раскола. 3) Освоившись съ южно-русскимъ направленіемъ, московское общество естественно начало переходить и къ дальнѣйшему знакомству съ Зап. Европою, чему помогали и продолжительныя войны, вслѣдствіе которыхъ много русскихъ побывало за тогдашнею границею, и пребываніе во второй половинѣ XVII в. въ Москвѣ — массы иностранцевъ Дѣло началось съ культурныхъ мелочей въ родѣ зеркалъ, каретъ, зонтиковъ и т. п., добрались даже до театральныхъ представленій. Типическимъ представителемъ такого европеизма можетъ быть названъ Матвѣевъ, тогда какъ геніальный Ординъ Нащокинъ былъ для своего времени слишкомъ радикаленъ и, если и осуществилъ кое какіе планы реформы, то съ большимъ трудомъ и при сильномъ противодѣйствіи высшаго общества. 4) Неудавшіяся Ордину Нащокину реформы и даже еще въ болѣе радикальномъ направленіи пытались осуществить воспитанники южно-русскихъ — царь Ѳеодоръ и царевна Софія съ кружкомъ близкихъ лицъ, изъ коихъ особенно извѣстенъ кн Голицынъ. Сдѣлано было, правда, не многое въ сторону реформированія государства и общества по-зап. европ. образцу, такъ какъ обстоятельства были не совсѣмъ благопріятны; но планы были широкіе, особенно у такихъ лицъ, какъ Шакловитый, или Сильвестръ Медвѣдевъ, и повидимому дѣло шло, между прочимъ, если не о соединеніи съ католическою церковью (такая мысль во всякомъ случаѣ существовала), то объ организаціи особаго русскаго католицизма. Вотъ тогда-то, и именно въ силу этого обстоятельства, и пріобрѣлъ споръ о времени пресуществленія Св. Даровъ свое значеніе и получилъ острый характеръ: казалось, что начинается переходъ русскихъ въ католичество; для характеристики же борьбы между старо московскимъ и зап. европейскимъ направленіемъ этотъ споръ значенія не имѣетъ. Старо-москвичи въ этомъ спорѣ стали на сторонѣ защитниковъ

ея было бы особенно полезно для пониманія московской литературы, съ которою она совершенно сходна по своему характеру. Памятники раскольничьей литературы даже XIX в., тѣ же самые, какъ и памятники XVII в.; притомъ возможно было все же и нѣкоторое прогрессированіе въ нихъ, лишь бы оно не нарушало ея сущности. И нѣкоторыя произведенія раскольничьей литературы, напр. Житіе протопопа Аввакума, по своей художественности, реализму, даже по народному характеру не уступаютъ лучшимъ изъ аналогичныхъ произведеній XII—XIII в. Духовные стихи и апо-

---

православнаго ученія о времени пресуществленія Св. Даровъ и этотъ фактъ не остался безъ вліянія на исходъ спора; но весь споръ былъ лишь очень частнымъ явленіемъ, и разница въ направленіяхъ старо-московскомъ и юго-западно-русскомъ была гораздо болѣе принципіальною.—Но нашимъ крайнимъ западникамъ не удалось удержаться въ правительствѣ до самаго конца XVII в. Смерть ц. Ѳеодора стала поводомъ для борьбы между двумя придворными партіями, которыя принято называть партіями Милославскихъ и Нарышкиныхъ. Бордвшіеся члены этихъ партій имѣли въ виду прежде всего личные интересы; но борьба имѣла и иное значеніе. Партію Милославскихъ составляли крайніе западники, партію Нарышкиныхъ западники умѣренные, нешедшіе въ увлеченіи Западомъ далѣе подражанія его внѣшней культурѣ. Поэтому, когда Думѣ пришлось выбирать между царев. Иваномъ, за котораго стояли Милославскіе, и царев. Петромъ, котораго выставила партія Нарышкиныхъ, дотолѣ очень несимпатичная многимъ старымъ московскимъ боярамъ, Дума предпочла царев. Петра, ибо все же направленіе Матвѣева казалось ей не столь опаснымъ для государства, какъ направленіе кн. Голицына.—Восторжествовавъ при выборѣ царя, партія Нарышкиныхъ не замѣтила заговора, который ее низвергнулъ Недовольство населенія, среди котораго было много раскольниковъ, а также и стрѣлецкаго войска, осложненное случайными обстоятельствами, позволило партіи Милославскихъ опереться на эти элементы и, совершивъ кровавый переворотъ, достигнуть власти. Союзъ крайнихъ западниковъ съ старовѣрами былъ явленіемъ противоестественнымъ; но во время борьбы хватаются за всякія средства. Неестественность же союза тотчасъ дала себя чувствовать послѣ побѣды, и такъ какъ въ правительствѣ были западники, а не старовѣры, и террористиче-

крифы, тоже отличающіеся художественностью и народностію, составляютъ любимое чтеніе раскольниковъ и не мало вліяютъ на ихъ умственную жизнь.

Въ литературѣ, такъ наз. безпоповщины, совершился еще болѣе любопытный процессъ. Отказавшись отъ духовенства, безпоповцы въ сущности отказались отъ единственныхъ въ XVII в. систематически образованныхъ руководителей. Но, такъ какъ безъ руководства въ духовной жизни обойтись они не могли, то и стали появляться руководители изъ среды простого народа, чаще всего люди мало образованные, установлявшіе какую нибудь спеціальную религіозную доктрину, основанную на плохомъ пониманіи одного изъ текстовъ Св. Писанія; за ними шла темная масса простонародья, плохо понимавшая доктрину, но слѣпо ей вѣ-

---

скія дѣйствія стрѣльцовъ испугали все московское общество, то правительству небольшаго труда стоило разгромить и отбросить отъ себя неудобныхъ союзниковъ.

Но, отдѣлываясь отъ нихъ, царевна Софія и ея друзья не замѣтили что власть ихъ держится на очень шаткомъ основаніи, такъ сказать, силою инерціи и, пожалуй, тѣмъ значеніемъ, которое всегда принадлежитъ правительству; число же крайнихъ западниковъ, имъ сочувствовавшихъ, было невелико, да и тѣ между собою не ладили. Поэтому легко совершился новый переворотъ, когда выросъ царь Петръ, и власть снова перешла къ Нарышкинымъ. Какъ ни страннымъ это покажется при знакомствѣ съ позднѣйшею дѣятельностью Петра Великаго, его торжество надъ цар. Софіей было реакціей крайнему зап.-европейскому вліянію, хотя реакціей неособенно значительною, такъ какъ Нарышкины умѣли уже цѣнить достоинства зап.-европ. культуры. Вѣрнѣе говоря, партія Нарышкиныхъ не предпринимала новыхъ реформъ въ зап.-европ. духѣ, но почти не коснулась того, что уже было сдѣлано, и собственно реакціонный характеръ можно замѣтить развѣ въ отношеніяхъ къ иностранцамъ. Такой характеръ правленія продолжался до того времени, когда царь Петръ взялъ въ свои руки государственныя дѣла и возвратился изъ заграницы съ яснымъ сознаніемъ необходимости для Россіи реформъ въ западно-европейскомъ духѣ и даже съ нѣсколько уже намѣченнымъ планомъ этихъ реформъ.

рившая. Въ силу такой случайности возникновенія сектъ ихъ было чрезвычайно много; прекращались однѣ—возникали другія; однѣ считали своихъ послѣдователей десятками тысячъ, другія единицами. Нѣкоторыя усвоили новыя иновѣрческія доктрины, другія воскресили старыя національныя языческія вѣрованія; въ однѣхъ виденъ серіозный раціонализмъ, подобный которому можно встрѣтить развѣ въ крайнихъ раціоналистическихъ сектахъ протестанства. у другихъ есть безсмысленное членовредительство или догматы, способные внушить только смѣхъ. Словомъ, это вѣчно волнующееся народное море, точное знакомство съ которымъ дало бы драгоцѣнные матеріалы для народной психологіи; но, насколько можно судить по опубликованнымъ произведеніямъ, литература безпоповщинскихъ сектъ довольно однообразна: нѣсколько отрывковъ изъ Св. Писанія, спеціальныхъ для каждой секты, и затѣмъ спеціальные же апокрифы и духовные стихи. Да это и понятно, такъ какъ большинство основателей и руководителей въ сектахъ сами люди темные, по своему развитію мало возвышающіеся надъ послѣдователями. Но для насъ любопытно то явленіе, что именно вслѣдствіе скудости искусственной литературы среди безпоповцевъ хорошо сохраняется народная русская словесность. Такимъ образомъ, говоря парадоксально, если поповщина въ своемъ развитіи приводила общество къ XII—XIII в., то безпоповщина развилась до IX—X в., т. е., проще сказать, оказалось, что культурный налетъ, легшій на русскаго человѣка въ X—XVII в., былъ очень тонокъ, отъ него не особенно трудно было избавиться и при извѣстныхъ условіяхъ вернуться къ до-культурной старинѣ, столь живой въ народномъ міровоззрѣніи.

Но расколъ и его литература шли своимъ путемъ, не смѣшиваясь съ тою литературою, которая утвердилась въ Москвѣ во второй половинѣ XVII в. подъ вліяніемъ южнорусскихъ писателей. Къ ней я и долженъ былъ бы теперь обратиться; но она была лишь частью западно-русской литературы, о которой поэтому я и скажу нѣсколько словъ.

Монгольское иго печально отозвалось и на Юго западной Руси; литература составлявшихъ ее земель, сдѣлавшись областною, продолжала было традиціи прежней областной литературы (Волыни, Полоцка); но тотъ культурный слой, которымъ создана была обще-русская литература XII—XIII в., очевидно еще очень тонкій, исчезъ въ Кіевской землѣ, а централизаторская роль выпала на долю племени не русскаго и мало развитого. Правда, Литва процвѣла руссизмомъ; но она подверглась въ этомъ отношеніи главнымъ образомъ вліянію такихъ русскихъ племенъ, которымъ въ силу географическихъ условій хотя и удалось сохранить народную литературу въ чистомъ ея видѣ, но не удалось доставить ей большого значенія въ книжной словесности; и памятники литературы зап. русск. государства, очень не многочисленные, къ тому же не обладаютъ ни художественностью, ни народностью.

Съ конца XIII в. начинается полонизація высшихъ классовъ зап. русскаго общества, въ XIV в. слѣды ея уже становятся замѣтными, въ XV и XVI в. полонизація торжествуетъ: не только окатоличившіеся, но строго православные элементы высшихъ классовъ усваиваютъ польскую культуру; многіе же и сознаютъ себя поляками, пишутъ по-польски или по-латыни, такъ что, не смотря на русское происхожденіе, иные писатели того времени теряются для русской литературы. При такомъ условіи книжная литература юго-западной Руси до XVII в могла быть только весьма слабою и безжизненною, и лишь въ широко развивавшейся, благодаря казачеству, народной литературѣ сказалось національное чувство южно-русскаго народа.

Острый характеръ, который получили религіозные вопросы въ Рѣчи Посполитой во-второй половинѣ XVI в., былъ причиною возникновенія здѣсь значительной богословской литературы. Интересы православія, подъ знамя котораго стало достаточно лицъ высшихъ классовъ, хотя и польскаго образованія, потребовали созданія такой-же литературы и на русскомъ языкѣ. Вслѣдствіе этого и является въ XVI—XVII в. въ юго-западной Руси богословская литера-

тура, схоластическая по пріемамъ (такая въ то время была во всей Западной Европѣ), школьно-полемическая по цѣлямъ. Искать въ ней народныхъ началъ нельзя, ибо эта литература прямо копировала западно-европейскую; даже прежнее византійское вліяніе въ ней едва замѣтно. Но все же и среди писателей XVI—XVII в. можно встрѣтить такихъ, которые, подобно Іоанну Вишеньскому, стремились подражать не польско-латинскимъ образцамъ, а древнимъ русско-византійскимъ; и ихъ сочиненія (проповѣди и поученія), если они талантливы, отличаются и удобопонятностью, и даже реализмомъ, похожимъ на тотъ, который мы встрѣчаемъ въ памятникахъ XII—XIII в.

Чѣмъ дольше существовала указанная выше школьно-полемическая литература въ южно-русскомъ обществѣ, тѣмъ болѣе она должна была приспособляться къ его потребностямъ и вкусамъ, и тѣмъ больше она могла проникаться реализмомъ и народнымъ элементомъ. Въ спеціально богословскихъ сочиненіяхъ достигнуть этого было трудно; но въ чисто литературныхъ произведеніяхъ, гдѣ сюжетъ былъ хотя и заимствованъ изъ Св. Писанія, но способъ развитія темы допускалъ нѣкоторую свободу для автора, появленіе народной стихіи было возможно; это именно и произошло съ такъ наз. мистеріями, чему помогло и то обстоятельство, что въ западно-европ. мистеріяхъ и польско-латинскихъ школьныхъ драмахъ, которымъ подражали наши писатели, народный элементъ тоже имѣлъ мѣсто. Это стремленіе къ народности, а въ связи съ тѣмъ и къ реализму нашло себѣ особенно сильное выраженіе именно въ литературной дѣятельности Св. Димитрія Ростовскаго.

И. А. Шляпкинъ въ своемъ трудѣ о Св. Димитріи уклонился отъ анализа литературной его дѣятельности, но даже изъ приведенныхъ имъ отрывковъ и сдѣланныхъ замѣчаній видны основныя черты ея. Проповѣди святителя не только мало схоластичны, но просто поражаютъ своимъ вполнѣ конкретнымъ характеромъ, художественностью и вмѣстѣ съ тѣмъ и простотою, давая чудные образцы, которыми къ сожалѣнію наши духовные ораторы впослѣдствіи не восполь-

зовались. И. А. Шляпкинъ сравниваетъ ихъ съ проповѣдями Св. Кирилла Туровскаго; дѣйствительно, онѣ во многомъ напоминаютъ по своимъ мотивамъ древне-русскія проповѣди и не только Кирилла Туровскаго, но и Св. Ѳеодосія Печерскаго и Св. Кирилла Бѣлозерскаго, т. е. самыхъ реальныхъ древне-русскихъ проповѣдниковъ [5]). Обращенныя къ народу проповѣди Св. Димитрія вполнѣ сознательно приспособлены къ его разумѣнію, а нѣкоторыя даже были сказаны малороссійскою рѣчью, которою Св Димитрій охотно пользовался и для иныхъ сочиненій и для своей частной переписки, тоже весьма характеристичной, образной и художественной. Еще важнѣе его мистеріи, въ томъ числѣ и знаменитая Комедія на Рождество Христово, гдѣ видимъ смѣшеніе схоластическаго и простонароднаго элемента, и гдѣ народныя сцены прямо поражаютъ своимъ реализмомъ.

И. А. Шляпкинъ, повидимому, склоненъ отрицать составленіе Св. Димитріемъ Комедіи, хотя касается этого вопроса слишкомъ бѣгло. Для меня это имѣетъ въ сущности мало значенія; мнѣ важенъ фактъ, что въ концѣ XVII в. встрѣчается въ литературѣ столь сильное стремленіе къ реализму. Что это было не случайностью, видимъ изъ дальнѣйшей исторіи южно-русской драматической поэзіи, которая въ XVIII в., при схоластической формѣ, проникнута реальнымъ содержаніемъ (напр. у Довгалевскаго [6]). Не случайностью было и употребленіе въ книжной литературѣ малорусскаго языка, какъ это видно изъ сохранившихся проповѣдей на малорусскомъ языкѣ Пахомія Ходоровича, игумена

---

[5]) Независимо оттого г. Шляпкинъ постоянно сопоставляетъ отдѣльныя мѣста изъ сочиненій Св. Димитрія съ мѣстами изъ древней лѣтописи, изъ Даніила Заточника, даже съ русскими народными сказками.

[6]) См. еще Русск. Филолог. Вѣстн. 1891 г. № 1, стр. 153—154 объ интерлюдіяхъ XVII—XVIII в. и о рѣчахъ въ нихъ бѣлорусскихъ крестьянъ.

Батуринскаго конца XVII в., и изъ иныхъ малороссійскихъ сочиненій [7]).

Указываемое стремленіе къ реализму и народности въ южно-русской литературѣ прекратилось ко второй половинѣ XVIII в. вслѣдствіе той перемѣны, которая произошла въ это время въ образованіи культурнаго класса въ южной Руси, о чемъ я буду говорить далѣе.

Относительно литературы, образовавшейся въ Москвѣ во второй половинѣ XVII в. подъ вліяніемъ южно-русскихъ ученыхъ, можно ограничиться одною фразой: она была отпрыскомъ литературы южно-русской. Важнѣйшіе писатели, напр. Симеонъ Полоцкій, бравшій для своихъ литературныхъ произведеній вполнѣ современные, такъ сказать, публицистическіе мотивы, а нѣсколько позже Св. Димитрій Ростовскій—были уроженцы юго западной Руси, и лишь въ языкѣ нѣкоторыхъ ихъ произведеній видно стремленіе къ мѣстному великорусскому колориту.

Но въ своемъ желаніи познакомиться съ западною Европою русское общество въ концѣ XVII в. не могло уже ограничиться такими передаточными инстанціями, какъ юго-западная Русь или Польша; оно нашло дорогу и къ самому источнику, стало подражать непосредственно ему, и выразителемъ такого направленія явился Петръ Великій [8]).

---

[7]) Даже въ Москвѣ нашелся въ 1683 г. нѣкто Авраамій Панкратьевъ Фурсовъ, который переложилъ Псалтырь на простой обычный языкъ во всеобщую всѣмъ людямъ пользу; но переводъ былъ запрещенъ Патріархомъ Іоакимомъ.

[8]) Въ настоящее время смѣшно уже думать, что европеизмъ Петра Великаго былъ дѣломъ случайностей въ его воспитаніи; большая или меньшая степень знакомства съ зап.-европ. культурою была обязательна для человѣка, получившаго образованіе въ концѣ XVII в.; не даромъ Петръ такъ скоро и въ такомъ обиліи отыскалъ себѣ сотрудниковъ, знатныхъ и незнатныхъ, русскихъ и иностранцевъ, стариковъ и молодыхъ, сочувствовавшихъ дѣлу усвоенія зап.-европ. культуры; причемъ каждый изъ нихъ тоже какъ будто случайно подвергся въ дѣтствѣ ея вліянію. При такомъ условіи невозможно говорить о случайности; припомнимъ и сказанное выше, что Петръ вначалѣ своего царствованія былъ

Собственно литература Петровскаго времени мало интересна: русское общество занято было болѣе реальными подробностями; она ничѣмъ (кромѣ языка, полнаго барбаризмовъ) не отличается отъ литературы до-петровской. Единственный оригинальный писатель—Посошковъ, при всей глубинѣ своихъ идей, какъ литераторъ, не можетъ быть отнесенъ къ новому направленію; онъ пишетъ въ манерѣ составителя Домостроя или Котошихина [9]). Но русское общество знакомится съ западно-европ. литературой, начинаетъ усвоивать ее, и результатомъ этого усвоенія является новая русская литература.

Появленіе ея было сперва мало замѣтно; казалось, что эта литература прежняя, только произведенія ея стали лучше. Имѣемъ въ виду именно сочиненія кн. Кантемира. Всѣ они, за исключеніемъ сатиръ, явно принадлежатъ къ до-петровской литературѣ, да и сатиры по сюжету, языку, слогу и стиху отзываются латинско-польско-русскою стариною. Поражаютъ сатиры своею художественностью и затѣмъ реальностью своихъ образовъ; припомнимъ напр. приспособленные къ русской жизни образы ханжи, скупого хозяина, гуляки, затѣмъ чисто русскіе—чиновника какого либо (въ I сатирѣ); но къ реальности стремилась и литература XVII в.

меньшимъ западникомъ, чѣмъ его противники. По возвращеніи изъ-за-границы Петръ Великій безъ ограниченій сталъ реформировать русское общество по зап.-европ. образцамъ, что ему и удалось и что было бы невозможно, если бы наше общество было къ этой реформѣ не подготовлено. Нѣкоторая крутость ея объясняется, какъ стремленіемъ Петра В. заимствовать примѣры изъ такихъ, дѣйствительно мало похожихъ на Россію и мало знакомыхъ ей странъ, какъ Голландія, Англія, Швеція и т. п., такъ и личностью самого царя, которому однако удалось образовать въ Россіи извѣстный культурный классъ по зап.-европейскому образцу; въ этомъ именно классѣ и образовалась новая русская литература.

[9]) Можно бы еще говорить о Петрѣ В., какъ объ оригинальномъ писателѣ, но онъ совершенно не былъ литераторомъ; вѣрнѣе сказать, онъ былъ оригинальный и даже замѣчательный стилистъ: онъ писалъ такъ, какъ говорилъ.

Конечно, Кантемиръ уже хорошо знакомъ съ современною ему французскою литературою, онъ подражаетъ нестолько Горацію, сколько Буало; тѣмъ не менѣе онъ еще не ложно-классикъ, идеалы у него совершенно реальные.

Но торжество зап.-европ. литературы у насъ не замедлило наступить; и странно было бы, если бы мы не стали подражать ей, когда во всемъ подражали Запад. Европѣ. Конечно, мы должны были заимствовать то направленіе, которое тамъ господствовало. Это былъ ложно-классицизмъ, т. е. исканіе общечеловѣческихъ идеаловъ въ (ложно-понимаемомъ) классическомъ прошломъ; мы ему и стали подражать, тѣмъ болѣе что положеніе русскаго литератора при Дворѣ и въ обществѣ у насъ было такое-же, какъ и въ Зап. Европѣ

Однако въ сочиненіяхъ нашего перваго ложно-классика—и теоретика, и практика—Тредьяковскаго еще видно сильное вліяніе прежней до петровской литературы, причемъ болѣе въ его теоріяхъ, такъ какъ Тредьяковскій былъ хотя и лишенный художественности, но все же умный писатель, и нелегко ему было, слѣдуя за господствующимъ направленіемъ на практикѣ и подражая французамъ, отказываться отъ теорій, выведенныхъ путемъ знакомства съ русскимъ языкомъ и русскою народною словесностью. Слѣдующее поколѣніе русскихъ писателей, съ Ломоносовымъ и Сумароковымъ во главѣ, стало уже вполнѣ ложно классическимъ.

Какъ ни велико значеніе Ломоносова въ исторіи умственнаго развитія русскаго общества, но здѣсь говорить о немъ не приходится, ибо онъ былъ чистый ложно-классикъ, чуждый реализма, который мелькаетъ у него въ стихотвореніяхъ лишь иногда, когда онъ говоритъ о дорогихъ ему предметахъ: наукѣ, Петрѣ В., сѣверной природѣ. На Ломоносовѣ отлично видно значеніе въ литературѣ господствующаго направленія, такъ какъ въ наукѣ Ломоносовъ былъ именно сильный реалистъ.

Начавшись Тредьяковскимъ, Ломоносовымъ и Сумароковымъ, ложно-классицизмъ существовалъ у насъ, какъ господствующее направленіе, почти въ теченіе всего XVIII в.;

но изученіе нашей литературы показываетъ, что онъ въ это время не оставался неподвижнымъ; наоборотъ, въ немъ совершалось сильнѣйшее движеніе въ смыслѣ отраженія въ литературѣ типическихъ сторонъ русской жизни, т. е. онъ стремился стать реализмомъ.

Уже первые писатели ложно-классики Екатерининскаго времени не чужды попытокъ къ изображенію русской жизни, особенно отрицательныхъ ея сторонъ. Правда, въ Херасковѣ это мало замѣтно; но реализмъ въ произведеніяхъ Державина и Хемницера общеизвѣстенъ; драмы Княжнина ближе къ жизни, чѣмъ драмы Сумарокова; комедіи Сумарокова, Княжнина и Екатерины II прямо стремятся къ реализму; о комедіяхъ же Фонъ-Визина и говорить нечего; равныхъ имъ по реализму нѣтъ во всей зап. европейской ложно-классической литературѣ съ Мольеромъ включительно. Полнѣйшимъ реализмомъ блещетъ и журнальная сатира того времени.

Но этого мало; въ причисляемыхъ къ ложно классическимъ произведеніяхъ конца XVIII в., и дѣйствительно ложно классическихъ по формѣ, мы видимъ совершенно національное содержаніе. Къ сожалѣнію, хотя смыслъ новаго направленія и ясенъ, но нельзя указать ни одного крупнаго писателя, достойнаго стать на ряду съ Державинымъ и Фонъ-Визинымъ; поэтому новое направленіе и не обращаетъ на себя такого вниманія, какъ бы слѣдовало. Вмѣсто поэмъ или одъ являются пародіи на нихъ, водевили и оперетки, стихотворенія непристойнаго содержанія, и, что особенно важно—большое значеніе пріобрѣтаютъ памятники народной поэзіи и подражанія имъ. Въ новую русскую литературу, благодаря культурному сближенію малорусскаго общества съ великорусскимъ, вносятъ свой реализмъ и писатели малороссы, до сихъ поръ жившіе старыми южно-русскими традиціями.

Въ примѣръ всего сказаннаго приведемъ въ эпосѣ шуточную поэму малоросса Богдановича—Душеньку, хоть и подражательную по сюжету, но съ чертами русской жизни, такую же поэму-пародію Осипова—Энеиду наизнанку (а позднѣе и знаменитую малорусскую Перелицованную Энеиду

Котляревскаго съ изображеніемъ хохловъ въ образѣ спутниковъ Энея), непристойныя, но очень талантливыя поэмы Баркова. Въ лирикѣ—оды малоросса Капниста, рѣзко отличающіяся сюжетами отъ прежнихъ пародіи, въ родѣ извѣстной оды Марина: О, ты, что въ горести напрасно на службу ропщешь, офицеръ! неприличную лирику барковска го жанра. Подражательная, но отлично приспособленная къ русской жизни, сатира Димитріева „Чужой толкъ“, ложноклассическая по формѣ, бьетъ на голову ложно-классицизмъ своимъ реализмомъ. Ложно-классическіе писатели, въ родѣ того-же Богдановича, или Имп. Екатерины II, интересуются памятниками народной словесности; подражанія великорусскимъ и малорусскимъ народнымъ пѣснямъ дѣлаются очень популярными.

То же стремленіе къ народности встрѣчаемъ и въ драмѣ: трагедіи почти не пишутся, за то являются пародіи на нихъ въ родѣ Крыловскаго Трумфа, или драмъ того же Баркова. Комедіи Лукина, Крылова, Матинскаго изображаютъ русскую жизнь; Ябеда Капниста заставляетъ предчувствовать Ревизора; врывается на сцену оперетка въ видѣ Аблесимовскаго Мельника, хотя и подражательнаго, но будто-бы съ народными пѣснями и плясками, и увлекаетъ за собою даже такихъ серьёзныхъ писателей, какъ Державинъ; трагическіе герои уступаютъ мѣсто на сценѣ Ѳедулу съ дѣтьми и т. п. вульгарнымъ персонажамъ. Вотъ на что въ концѣ концовъ свелся нашъ ложно-классицизмъ. Не далеко было то время, когда онъ окончательно сброситъ съ себя ложно-классическія путы и станетъ реализмомъ.

Но этого не случилось. Помѣшала наша зависимость отъ зап.-европ. литературы, гдѣ въ XVШ в. подъ вліяніемъ раціоналистическихъ идей ложно-классицизмъ уступилъ мѣсто иному направленію—сентиментализму, т. е. исканію общечеловѣческихъ идеаловъ въ (ложно-понимаемомъ) доисторическомъ, чуждомъ всякой цивилизаціи и будто-бы обильномъ чувствительностью прошломъ. Разъ это направленіе стало господствующимъ въ Зап. Европѣ, оно должно было поработить и нашу литературу и, не будучи реализмомъ, затопить своими волнами существовавшіе у насъ его ростки.

Скромный въ сочиненіяхъ Львова или даже Радищева, нашъ сентиментализмъ нашелъ себѣ могучаго выразителя въ лицѣ. Карамзина, сдѣлавшаго нашу литературу сентиментальною

Но властвовавшій столь долго въ литературѣ ложно классицизмъ не хотѣлъ упустить своего первенства безъ борьбы, и въ началѣ XIX в. мы встрѣчаемъ еще многихъ писателей, придерживающихся по крайней мѣрѣ выработанныхъ ложно-классицизмомъ эстетическихъ теорій. Мы заранѣе можемъ ожидать, что въ дѣйствительности эти писатели окажутся реалистами. И точно, среди ложно классическихъ произведеній того времени мы встрѣчаемъ басни Крылова, басни же и другія лирическія произведенія Измайлова, сатиры Нахимова и Воейкова, даже „Горе отъ ума“ Грибоѣдова, реализмъ которыхъ общеизвѣстенъ.

На паденіе ложно-классицизма въ Зап. Европѣ имѣло значительное вліяніе обнаруженіе его ложности, что стало возможнымъ лишь тогда, когда болѣе или менѣе хорошо было изучено отношеніе искусства къ дѣйствительности въ классическомъ мірѣ, или, проще говоря, когда лучше прежняго изучили бытъ древнихъ грековъ и римлянъ. Но и послѣ того были писатели, продолжавшіе исканіе общечеловѣческихъ идеаловъ въ классическомъ мірѣ, хотя уже не въ воображаемомъ, а въ реальномъ, болѣе или менѣе вѣрно понимаемомъ. Имъ нравилась эта юность человѣчества со всѣми ея недостатками. Такіе неоклассики въ сущности по своему стремились стать реалистами.

И въ Зап. Европѣ это направленіе не могло имѣть серьёзнаго значенія; у насъ же, гдѣ разница между старымъ и новымъ классицизмомъ была столь мало понятна, что возможно было въ XIX в. появленіе трагедій Озерова, неоклассицизмъ и подавно не могъ быть вліятельнымъ направленіемъ; но все же одного крупнаго неоклассика-реалиста (хотя и очень непослѣдовательнаго) мы имѣли въ лицѣ Батюшкова.

Сентиментализмъ, какъ господствующее направленіе, существовалъ у насъ не особенно долго, и въ началѣ XIX в. ему еще трудно было, подобно классицизму, проникнуться народною стихіею, хотя по существу дѣла сентиментализмъ къ этому весьма склоненъ. Это свойство его сперва успѣло

сказаться лишь въ обильныхъ подражаніяхъ народнымъ пѣснямъ со стороны тогдашнихъ сентименталистовъ: Карамзина, Дмитріева, Нелединскаго-Мелецкаго, Мерзлякова и др., да въ малороссійскихъ опереткахъ знакомаго намъ уже Котляревскаго въ „Наталкѣ Полтавкѣ“ и (подражательномъ) Москалѣ Чаривникѣ.

Сентиментализмъ далеко не успѣлъ еще свершить у насъ цикла своего развитія, когда его затопила новая зап.-европ. литературная волна романтизма, подъ которымъ, въ реакцію раціоналистическому сентиментализму, подразумѣвалось исканіе національнаго идеала въ (ложно понимаемомъ) національномъ же прошломъ. Слѣдуя за Зап. Европою, мы должны были подражать и этому направленію; но наше подражаніе началось слишкомъ ужъ просто—переводами и передѣлками зап.-европ. романтическихъ произведеній безъ серьёзнаго приспособленія ихъ къ русской жизни.

Такое направленіе не было, разумѣется, русскимъ романтизмомъ, и оригинальныя произведенія нашего будто бы важнѣйшаго романтика Жуковскаго въ сущности совершенно сентиментальны, а прямымъ наслѣдіемъ его въ рус. литературѣ было увлеченіе Западомъ вообще (напр. у кн. Вяземскаго).

Но пересаживанье зап.-европ. романтизма въ нашу литературу должно было вызвать и русскій романтизмъ, т. е. вообще говоря, идеализацію русской старины, плохо тогда извѣстной. По условіямъ, о которыхъ нѣтъ цѣли говорить, первыми русскими романтиками были декабристы и въ томъ числѣ поэтъ Рылѣевъ, трагическая участь котораго извѣстна. Роль декабристовъ стала причиною, что направленіе это должно было на время стушеваться; изъ крупныхъ произведеній нашей литературы оно промелькнуло, да и то очень блѣдно, въ комедіи „Горе отъ ума“, и о романтическихъ идеалахъ Грибоѣдова мы знаемъ скорѣе изъ его черновыхъ тетрадей и частной переписки.

Такимъ образомъ, настоящій романтизмъ въ нашей литературѣ не только не успѣлъ развиться, но еле начался, когда она подчинилась новому, побѣдившему зап.-европ. реакціонный романтизмъ, направленію—байронизму, рисовавшему общечеловѣческіе (идеальные) образы лишь въ бу-

дущемъ, а въ настоящемъ изображавшему только силуэты ихъ въ видѣ передовыхъ людей, отражавшихъ въ сущности личность самого автора (раньше всего, конечно, Байрона).

Проявившись у насъ сперва въ произведеніяхъ писателей, очень далеко отстоявшихъ отъ Байрона (напр. у сентименталиста Козлова), байронизмъ нашелъ себѣ выраженіе въ поэзіи Пушкина.

Едва ли въ нашей литературѣ найдется писатель, болѣе неустойчивый въ своихъ идеалахъ, чѣмъ Пушкинъ; онъ служилъ, и не всегда разновременно, всѣмъ современнымъ ему литературнымъ направленіямъ, но за-то служилъ имъ въ необыкновенно художественной формѣ; причемъ въ свои произведенія обязательно вкладывалъ нѣчто оригинальное, пушкинское; поэтому его литературная дѣятельность имѣетъ въ данномъ случаѣ большій интересъ.

Раньше всего Пушкинъ былъ неоклассикомъ, подражателемъ Батюшкова, и это направленіе, которое Пушкинъ выразилъ въ совершенствѣ, чуть ли не навсегда окрасило его поэзію. Это не мѣшало ему въ иныхъ стихотвореніяхъ бряцать на ложно-классической лирѣ въ подражаніе Державину, сентиментальничать, вдаваться въ зап.-европ. романтизмъ и вообще увлекаться Западомъ. Но, какъ ни художественны были его произведенія во всѣхъ этихъ родахъ, его выдающаяся роль началась лишь съ созданіемъ поэмъ въ байроновскомъ родѣ.

Что Кавказскій Плѣнникъ, Бахчисарайскій Фонтанъ, Цыганы, Евгеній Онѣгинъ и многія другія произведенія Пушкина написаны по байроновскимъ образцамъ—общеизвѣстно; даже въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ, какъ напр. въ „Мѣдномъ Всадникѣ“, сюжетъ совсѣмъ не байроновскій, Пушкинъ сохраняетъ байроновскія формы; мало того, въ концѣ жизни Пушкинъ все еще мечтаетъ изобразить рускаго героя нашего времени; все это показываетъ сильную зависимость его отъ Байрона.

Но общеизвѣстно и то, что въ первыхъ же поэмахъ байроновскаго направленія Пушкинъ не слѣдуетъ Байрону въ самомъ существенномъ—въ изображеніи характеровъ героевъ и героинь. Въ этомъ видятъ недостатокъ Пушкина, неполное усвоеніе имъ байроновскихъ идеаловъ; съ этимъ я го-

товъ согласиться. Но почему же этимъ недостаткомъ было отклоненіе Пушкина отъ Байрона въ сторону реальнаго изображенія русской жизни? Почему не выдерживаютъ своего байроновскаго характера Кавказскій Плѣнникъ, Гирей, Алеко и особенно Евгеній Онѣгинъ и поступаютъ не какъ отвлеченные передовые „общечеловѣки", а скорѣе какъ русскіе люди, не отличающіеся особенною послѣдовательностью въ своихъ поступкахъ? Повторяю, что я считаю недостаткомъ Пушкина отсутствіе въ немъ той смѣлости въ изображеніи идеальныхъ образовъ, какая была у Байрона; но я понимаю его боязнь дать недостаточно реальное относительно русской жизни изображеніе. Развѣ конецъ Цыганъ байроновскій? развѣ Алеко поступаетъ не какъ ветхій человѣкъ? но эта его ветхость — увы! типична для русской жизни. Развѣ мыслимы отношенія Онѣгина къ Ленскому въ байроновскомъ героѣ? Но, какъ могъ Пушкинъ не развязать ихъ дуэлью, если не хотѣлъ дать завѣдомо фальшиваго относительно русской жизни положенія? Когда Пушкинъ понялъ это (да и критика ему указала), онъ сейчасъ же поторопился свести своего героя съ байроновскаго пьедестала и докончилъ поэму на новый ладъ, увѣряя, что у него и въ мысли не было задаваться цѣлью — изобразить русскаго Чайльдъ-Гарольда. Тотъ же процессъ произошелъ и съ Татьяною, которая сперва должна была явиться персонификаціей свободной женской любви (байроновскій идеалъ), а явилась, по позднѣйшему желанію автора, реальнымъ женскимъ образомъ (хотя можетъ быть, для своего времени и недостаточно типичнымъ), ничего общаго съ байроновскими героинями не имѣющимъ.

Не говоримъ о реализмѣ описаній Пушкина въ его произведеніяхъ, особенно въ Онѣгинѣ; такой реализмъ составляетъ качество, присущее уже и самому байронизму.

Въ послѣдніе годы своей дѣятельности Пушкинъ стремился давать все болѣе и болѣе реалистическія изображенія и достигъ въ этомъ отношеніи поразительныхъ результатовъ; но это настолько извѣстно, что не вижу цѣли объ этомъ распространяться и безъ нужды удлинять свою, и безъ того уже длинную статью. Прибавлю лишь, что не очень сильно

повредилъ ему и тотъ русскій романтизмъ, которымъ онъ въ это время отчасти увлекался (въ примѣръ укажемъ хотя бы на Полтаву); въ своихъ произведеніяхъ, сюжетъ которыхъ заимствованъ изъ русской исторіи, онъ стремился быть исторически вѣрнымъ, насколько это въ его время требовалось.

Въ сущности я могъ бы на этомъ прекратить свою статью, такъ какъ реалистическій характеръ послѣ пушкинской литературы не нуждается въ комментаріяхъ, и если я все таки прибавлю къ сказанному выше нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній, то лишь съ цѣлью дать статьѣ внѣшнюю законченность.

Пушкинъ въ своей поэзіи выразилъ всѣ современныя ему литературныя направленія; онъ, такъ сказать, собралъ въ себѣ идеи всей русской литературы. Позднѣйшая литература почти во всѣхъ ея направленіяхъ положительно исходитъ отъ Пушкина, такъ какъ напр. позднѣйшіе ложноклассики подражали ему, болѣе чѣмъ Державину, неоклассики—ему болѣе чѣмъ Батюшкову, и т. д.

Разумѣется, ложно-классицизмъ во второй половинѣ XIX в. по существу не могъ быть направленіемъ; поэтому о немъ нечего и говорить, да и роль его въ новѣйшей литературѣ ничтожная и эпизодическая; не имѣетъ значенія и неоклассицизмъ, хотя здѣсь можно указать напр. произведенія А. Майкова, написанныя съ большимъ знаніемъ классической жизни и проникнутыя ея духомъ. Любопытнѣе позднѣйшая исторія сентиментальнаго направленія, которое, какъ было сказано, не успѣло въ свое время проникнуться, подобно ложно-классицизму, реалистическими тенденціями; оно усвоило ихъ уже во время Пушкина и послѣ него.

Въ сентиментализмѣ главное мѣсто занимали два вида литературныхъ произведеній—повѣсти идиллическаго характера и подражанія народной лирикѣ. Какъ тѣхъ, такъ и другихъ было не мало, и во многихъ изъ нихъ мы замѣчаемъ сильное стремленіе къ реализму, иногда весьма удачное по результатамъ; такъ изъ писателей повѣстей достаточно назвать Квитку (Основьяненка), въ которомъ виденъ предтеча Гоголя; изъ лириковъ-же, поэзія которыхъ очень приближается къ народной, легко указать Кольцова, а позднѣе Никитина.

Но изъ этихъ примѣровъ видно, что сентиментализмъ въ нашей литературѣ послѣ Пушкина былъ не особенно замѣтнымъ направленіемъ; почти тоже можно сказать и о байронизмѣ, хотя въ числѣ представителей его у насъ видимъ и геніальнаго поэта—Лермонтова. Конечно, въ общемъ изображеніи жизни или природы Лермонтовъ уже не могъ не быть реалистомъ; но я полагаю, что даже Печоринъ оказался, можетъ быть, независимо отъ воли автора (который не хотѣлъ въ этомъ сознаться), въ силу тѣхъ же причинъ, которыя повліяли на измѣненіе въ образѣ Евгенія Онѣгина, болѣе реальнымъ образомъ, чѣмъ задумалъ его создать Лермонтовъ. Послѣ Лермонтова байронизмъ, съ тою поправкою его, которая внесена была относительно женскихъ образовъ романами Жоржъ Зандъ, отразился во многихъ замѣчательныхъ произведеніяхъ Герцена, Тургенева и др.; но тогда уже у насъ вполнѣ господствовалъ реализмъ, и мѣсто байроновскихъ передовыхъ героевъ заступили въ нашей литературѣ гораздо болѣе типичные у насъ такъ наз. „лишніе люди“.

Гораздо сложнѣе была послѣдующая исторія нашего романтизма. Не говоря уже о такихъ его фракціяхъ, какъ подражаніе средне-вѣковой романтикѣ, или вообще увлеченіе Западомъ, настоящій русскій романтизмъ имѣлъ возможность разбиться на нѣсколько школъ, сообразно тому, какія именно явленія въ національномъ прошломъ, или даже какіе періоды считались идеальными: вообще все прошлое, понимаемое съ оффиціальной точки зрѣнія, московская Русь, казачество, древняя Русь, славянство въ до-государственное время и пр. Но всѣ эти поднаправленія имѣли собственно большое значеніе въ нашей публицистикѣ, а не въ литературѣ, и изъ важныхъ писателей—художниковъ указать здѣсь почти некого; второстепенные же писатели романтизма изображаютъ русскую жизнь не менѣе реалистично, чѣмъ заправскіе реалисты, ихъ современники. Приведемъ въ примѣръ славянофила И. Аксакова, или идеализировавшаго древнюю Русь гр. Ал. Толстого. Единственнымъ замѣчательнымъ, хотя и не всегда послѣдовательнымъ романтикомъ былъ малорусскій поэтъ Шевченко, реализмъ изображенія малорусской жизни у котораго тоже не нуждается въ комментаріяхъ.

Очевидно въ половинѣ XIX в. реальное изображеніе жизни стало у насъ въ литературѣ обязательнымъ, а исканіе какого либо идеала (почти всегда устарѣлаго) было несущественнымъ придаткомъ къ этому. Такъ какъ и въ западной литературѣ въ это же время наступаетъ торжество реализма (Диккенсъ, Бальзакъ и др.), то и у насъ онъ тѣмъ легче могъ сдѣлаться господствующимъ направленіемъ.

Избавляю себя отъ обязанности говорить о Гоголѣ и его знаменитыхъ и многочисленныхъ послѣдователяхъ—реалистахъ, такъ хорошо познакомившихъ насъ съ важнѣйшими типичными сторонами русской жизни; прибавлять здѣсь къ общепринятымъ мнѣніямъ нечего Нечего мнѣ прибавить и къ тому, что уже извѣстно и о замѣчательныхъ теоретикахъ этого направленія въ нашей литературѣ.

Въ послѣднее время и въ Западной Европѣ и у насъ, особенно въ сочиненіяхъ одного изъ величайшихъ реалистовъ—гр. Льва Толстого, проявилось новое направленіе, которое можно бы назвать неосентиментализмомъ. Этотъ новый сентиментализмъ, какъ и прежній, состоитъ въ исканіи общечеловѣческихъ идеаловъ у чуждаго всякой цивилизаціи народа; но разница та, что идеализируется народъ не измышленный поэтической фантазіей, какъ это имѣло мѣсто въ XVIII в., а настоящій, реальный, хорошо извѣстный, со всѣми его недостатками. Значитъ, и это направленіе въ сущности остается по прежнему реализмомъ.

Такимъ образомъ, на основаніи бѣглаго обзора исторіи русской литературы, я считаю себя вправѣ утверждать, что русская литература всегда стремилась стать реалистическою.

Повторяю еще разъ, что въ моемъ изложеніи, можетъ быть, найдутся и ошибки, и упущенія; очень вѣроятно, что нѣкоторыя звенья въ моей цѣпи доказательствъ должны быть вынуты и замѣнены другими; но для меня важна лишь общая идея, на справедливости которой я и настаиваю.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Realizm russkoi literatury : oc
891.709 M345R
D90350703R